

Лу Лин не могла оторвать глаз, чувствуя, как сердце в груди колотится в бешеном ритме, а к лицу приливает жар.

Казалось бы, зима, откуда вдруг взяться такому жару, что даже щеки горят?

— Брысь, брысь! Нечего тут строить глазки юной леди, иди гримируйся, — подошел мужчина в кепке, постукивая свернутым сценарием по плечу Тань Цзиньсюэ.

Лу Лин еще не успела осознать происходящее, как Тань Цзиньсюэ отозвалась:

— Я здесь лишь на подхвате, не стану отнимать у режиссера Чжаня много времени.

Режиссер Чжань?

Неужели тот самый знаменитый Чжань Ханьцю?!

Лу Лин мгновенно подобралась. Имя режиссера Чжань Ханьцю в их кругах знали все — он славился масштабными историческими постановками, и телеканалы готовы были перегрызть друг другу глотки, лишь бы заполучить сериал с его сияющим именем в титрах.

Чжань Ханьцю лишь мельком взглянул на Лу Лин и сухо бросил:

— Иди готовься.

Сцена разворачивалась на улице: Тань Цзиньсюэ должна была проехать мимо Лу Лин на рикше. Съемка простая, но за ней скрывалась глубокая, трогательная история.

Честный и простодушный юноша-рикша, однажды мельком увидев студентку, влюбился в нее без памяти. Он каждый день нарочно проезжал по той дороге, где она ходила на занятия, пока однажды девушка не села в его рикшу. Счастливый парень не знал, что эта поездка с возлюбленной станет последним светлым моментом в его жизни.

Рикша вез девушку к тайному пункту связи революционеров. Заметив облаву, он, не задумываясь, подал сигнал тревоги, был сбит полицейской дубинкой и упал в ледяную воду, навсегда скрывшись в глубине. Главные герои в панике отступили, даже не поняв, кто именно их предупредил, а девушка так и не узнала, что был на свете юный рикша, погибший ради нее в зимнем озере.

Его жизнь и любовь — они вспыхнули, но не оставили искр, он исчерпал всю свою отвагу, но не вызвал ни единой ряби на поверхности бытия.

Когда Лу Лин вышла после грима, она едва узнала Тань Цзиньсюэ.

На «мужчине» была та же одежда, но лицо казалось темнее и чуть полнее, густые брови нависали над черными, как смоль, глазами, переносица стала выше, губы потрескались — вылитый простоватый и честный бедняк. Изменилась даже манера держаться: плечи подались вперед, походка стала слегка косолапой — типичный рикша, в котором, однако, теплилась юношеская энергия.

От жестов до выражения лица — полное перевоплощение.

— Начали! — крикнул Чжань Ханьцю, сидя перед монитором.

Лу Лин с книгами в руках стояла на углу улицы. Короткая стрижка с челкой, нежное, тронутое

румянцем лицо, в глазах — юношеская неопытность, но в то же время твердый блеск.

Крупный план выгодно подчеркнул ее внешность, Чжань Ханьцю, глядя на экран, приподнял бровь.

Пожалуй, ему стоит пересмотреть свое мнение о вкусах Киноимператора.

Издалека показалась рикша. Юный возница, сжимая ручки, напряг мышцы предплечий, проступившие четкими линиями. На голове — поношенная кепка, скрывающая глаза в тени, но стоило ему заметить девушку, как уголки губ невольно поползли вверх.

Кадр с рикшей длился всего пару секунд, но даже в них невозможно было найти изъян. Чжань Ханьцю довольно кивнул.

— Эй, рикша! — Лу Лин махнула рукой, и повозка тут же остановилась перед ней.

Юноша услужливо спросил:

— Барышня, куда вас отвезти?

Его тон ничем не отличался от обычного обращения с клиентом, но глаза... глаза сияли. В них бушевал целый океан невысказанных чувств.

— Снято! — вынес вердикт Чжань Ханьцю. Тут же подбежали ассистенты, накидывая на актеров пальто и предлагая горячий чай и грелки.

Чжань Ханьцю подошел к Тань Цзиньсюэ, расплываясь в улыбке:

— Ради роли третьего плана заставить самого Киноимператора играть в массовке — это того стоило!

Тань Цзиньсюэ выпрямилась и спокойно ответила:

— Самое ценное еще впереди. Посмотрите на ее игру, и сами все поймете.

Чжань Ханьцю удивился:

— Ты так уверен в своей девушке?

Тань Цзиньсюэ слегка улыбнулась:

— Ты сам сказал: она — моя девушка.

Чжань Ханьцю вздохнул:

— Хорошо-хорошо, буду ждать с нетерпением.

Вспомнив что-то, он придержал Тань Цзиньсюэ, которая уже собиралась уходить:

— Слышал, ты из-за нее перешел дорогу Цзун Цзы?

Тань Цзиньсюэ приподняла бровь:

— Ты ведь никогда не интересовался сплетнями.

Чжань Ханьцю досадливо поморщился:

— Дело не в сплетнях. Господин Цзун — главный инвестор фильма Красное, он скоро приедет на площадку. Если тебе неудобно, после следующей сцены поезжай в отель, я тебя прикрою.

Тань Цзиньсюэ кивнула, принимая его помощь.

Она не боялась Цзун Цзы, она боялась того, что, пока ее не будет рядом, главные герои по закону жанра могут влюбиться друг в друга. Хотя уровень симпатии Лу Лин к ней уже достиг 80 баллов, и можно было считать, что девушка к ней равнодушна, Тань Цзиньсюэ не хотела рисковать.

Вторая сцена проходила на озере.

— А-а-а!

— Кто-то упал в воду! Спасайте!

— Люди! Помогите! Человек в озере!

Тань Цзиньсюэ взглянула на Чжань Ханьцю:

— Сегодня по плану есть сцена с падением в воду?

Лицо режиссера переменялось, он яростно затряс головой:

— Нет!

Тань Цзиньсюэ помрачнела и рванула к берегу. Чжань Ханьцю, осознав неладное, бросился следом.

Это озеро было крупнейшим природным водоемом столицы, охраняемой зоной. В разгар зимы поверхность покрылась льдом, и для съемок сцены с лодкой съемочной группе пришлось прорубить полынь у причала.

Именно с этого причала и соскользнула Лу Лин.

Несколько сотрудников уже бросились в воду, на поверхности мелькали силуэты, но Лу Лин нигде не было.

Тань Цзиньсюэ в тонкой одежде прыгнула в воду.

С ее запястья соскользнула крошечная искорка и устремилась на дно.

Холод.

Озерная вода обжигала, видимость была нулевой, кругом одна муть. Лу Лин чувствовала, как стремительно идет ко дну, навстречу смерти. Мимо проплывали водоросли, пальцы бессильно сжались, не в силах ни за что ухватиться. Сделав несколько глотков воды, она почувствовала, как леденеют легкие. Промокшая одежда тянула вниз, сил бороться больше не было.

Надо было учиться плавать, — подумала Лу Лин. Ужас утопления впервые показал ей, насколько хрупка жизнь.

Она с таким трудом выбралась из трясины реальности, еще ничего не успела сделать, и теперь утонет в этом грязном озере?

Она не хотела мириться с этим!

Сильная рука схватила ее за плечо.

Почти потерявшая сознание Лу Лин отчаянно забилась, цепляясь за последнюю надежду. Она чувствовала, как чья-то сила тянет ее наверх, мрак отступал, пропуская свет.

Лу Лин из последних сил открыла глаза и увидела Тань Цзиньсюэ.

«Мужчина» тащил ее к поверхности. Зимнее солнце пронизывало воду, все вокруг искрилось, и на мгновение Лу Лин показалось, что это галлюцинация.

Тань Цзиньсюэ была послана ей небесами.

Она — ее спасение.

Раздался всплеск — они прорвали водную гладь, и на берегу все разом выдохнули.

Тань Цзиньсюэ с усилием вытолкнула потерявшую сознание Лу Лин на причал, а затем с трудом выбралась сама.

Спасение человека в ледяной воде отняло много сил. Даже при крепком теле Тань Цзиньсюэ оставалась лишь обычным смертным, связанным правилами этого мира. Она с тоской вспомнила мир Сянься, где одним щелчком пальцев могла передвигать горы, не говоря уже о спасении из такого мелкого озера.

Кто-то суетливо накинул на нее толстую армейскую шинель. Тань Цзиньсюэ, кутаясь в нее, встала на ноги.

И тут она коснулась чего-то знакомого, но в то же время чуждого, чего сейчас здесь быть не должно.

Чтобы убедиться, она даже сжала это. Мягко, упруго, ощущение реальности.

Тань Цзиньсюэ резко закатила рукав: запястье тонкое, белое, а там, где должны были быть мужские часы — пустота.

Киноимператор побледнела и плотнее запахнула шинель.

Съемки на площадке: Киноимператор сменил пол! Киноимператор лишился премии Золотое облако и решил стать женщиной?! Маленький секрет Тань Цзиньсюэ — настоящая ли у него грудь?

За пару секунд она успела придумать себе заголовки новостей.

— Тань Цзиньсюэ, ты в порядке? — Чжань Ханьцю, весь в поту, подбежал к ней, пока остальные занимались Лу Лин.

Тань Цзиньсюэ выдавила улыбку:

— Все нормально.

Чжань Ханьцзю, который чуть не поседел, пока она прыгала в воду, не поверил ей:

— Нет, ты едешь с Лу Лин в больницу на полное обследование, я сейчас велю подать машину!

Тань Цзиньсюэ глубоко вздохнула, подавляя панику, и бросила на него ледяной взгляд:

— Не нужно. Я просто вернусь в отель.

Увидев, что медики кивнули, давая понять, что с Лу Лин все будет хорошо, Тань Цзиньсюэ немного успокоилась, отстранилась от режиссера и зашагала прочь.

Чжань Ханьцзю, опешивший от ее свирепого взгляда, невольно разжал руки и пробормотал:

— Ох, предки мои, не хочешь — не надо. Если ты заболеешь на моей площадке, твои фанаты меня живьем съедят. — Затем он нахмурился: — Рука, которую он только что держал... холодная от воды, но такая тонкая, изящная, и кожа такая нежная... точь-в-точь женская!

Он посмотрел на Лу Лин, которую грузили на носилки, и покачал головой, отгоняя абсурдные мысли.

Такой знаменитый бог экрана, как Тань Цзиньсюэ, не может быть женщиной! Смешно!

— Что здесь происходит?

Раздался голос Цзун Цзы. Тань Цзиньсюэ вспомнила слова режиссера о приезде инвестора. Она мысленно выругалась, но лицо сохранила невозмутимым.

— Несчастный случай. Все улажено, — ответила она.

Она была в таком же плачевном состоянии, как Цзун Цзы несколько дней назад — мокрая насквозь. Тань Цзиньсюэ подумала, что этот соперник наверняка сейчас злорадствует.

«Мужчина» промок до нитки, черные волосы прилипли ко лбу, вода стекала по лицу. Бледная кожа делала глаза похожими на холодные звезды — черные, глубокие и пронзительные.

Цзун Цзы встретился с ней взглядом, и сердце его дрогнуло. Его соперник действительно стоил своего прозвища «мужчина-демон».

Да, компромата на Киноимператора Тань Цзиньсюэ хватило бы на целую энциклопедию.

Когда Цзун Цзы кто-то интересовал, он всегда стремился докопаться до сути.

А Тань Цзиньсюэ в статьях и на экране казалась совсем не такой, как при реальной встрече.

Эта «разница» была как дразнилка для кота: Цзун Цзы нестерпимо хотелось сорвать с него слой за слоем все маски.

Именно поэтому президент Синчэнь Энтертейнмент сейчас находился здесь, в глуши, на съемках сериала.

Он безразлично уставился на Тань Цзиньсюэ.

Мало того что черты лица были женственными, так еще и эти глаза...

Тань Цзиньсюэ как раз посмотрела на него.

Взгляд был острым, но с мягким подтекстом, словно цеплял душу, и в то же время в нем светилось холодное, непоколебимое сияние. Встретиться с ним взглядом было поистине волнующе.

Неудивительно, что все, и мужчины, и женщины, сходили по нему с ума. Цзун Цзы почувствовал прилив гнева: этот человек — крепкий орешек.

Говорят, он ведет себя безупречно, а на деле с самого начала карьеры за ним тянулся шлейф сплетен про «мужчину-лису» и «торговлю телом», но ни один из этих слухов не подтвердился.

Этот Тань Цзиньсюэ действительно талантлив и интересен. Только, похоже, он ошибся в выборе объекта любви.

Кто сказал ему, что он влюбится в ту старлетку, которая пыталась подсыпать ему наркотик ради карьеры? Он еще и во всеуслышание объявил о романе. В этом плане Киноимператор был по-детски наивен.

— Куда ты? — спросил Цзун Цзы.

Тань Цзиньсюэ ответила холодным тоном:

— В отель.

Цзун Цзы закончил разговор утвердительной фразой, не терпящей возражений:

— Я тебя подвезу.

В этой глуши до отеля было несколько километров. Выбирая между поездкой с соперником и риском разоблачения перед всей съемочной группой, Тань Цзиньсюэ кивнула.

Черный седан стоял неподалеку. Тань Цзиньсюэ без церемоний открыла дверь и села на пассажирское сиденье. С ее мокрой одежды капала вода, оставляя пятна на дорогой обивке.

Сюэ Ань, сидевший в машине, вздрогнул, увидев Тань Цзиньсюэ, и заикаясь произнес:

— Киноимператор Тань... вы... как...

Он не успел договорить — водительская дверь распахнулась, и Цзун Цзы холодно бросил:

— Выходи. Отнеси вещи Чжань Ханьцю.

Сюэ Ань поспешно выкатился из машины, выгрузил подарки для съемочной группы и проводил взглядом уносящийся вдаль автомобиль, поднявший облако пыли.

Знай он, что босс приехал ради Тань Цзиньсюэ, не сидел бы тут как дурак.

Ему было горько. По-настоящему.

А портье отеля Лунъюань все эти дни пребывала в эйфории.

Все из-за того, что она выложила в соцсети фото профиля Тань Цзиньсюэ, сделанное с близкого расстояния.

Пост набрал пять тысяч репостов. Подруги завидовали ей до слез, мечтая бросить работу и устроиться горничными в эту дыру.

К сожалению, в последние дни она не видела своего кумира, и портье с грустью смотрела на нечеткое фото в телефоне.

Поэтому она не заметила, как в холл вошел человек в армейской шинели, похожей на ту, что носил сторож, весь промокший и растрепанный.

Когда она подняла голову, перед ней стоял незнакомец.

Красивый, не уступающий ее кумиру.

Портье могла поклясться, что по внешности этот мужчина мог бы войти в топ звезд шоу-бизнеса! Но в отличие от холодного, сдержанного Тань Цзиньсюэ, от этого незнакомца исходила мощная аура человека, привыкшего стоять над всеми.

— Один номер, — сказал мужчина.

Портье зарегистрировала документы и дрожащими руками протянула карточку.

Почему-то под взглядом этого гостя она чувствовала себя зайцем перед ястребом. Ей было даже обидно: она так старалась быть вежливой, почему он смотрит так давяще?!

Цзун Цзы мельком глянул на телефон на стойке — на размытом фото все еще легко узнавался профиль Тань Цзиньсюэ.

Он взял ключ и поднялся наверх.

Тань Цзиньсюэ действительно заболела.

Она чувствовала жар, но сил даже на то, чтобы выпить таблетку, не осталось. Приняв душ, она в халате рухнула на кровать и провалилась в забытие.

Горло словно терли напильником, в ушах звенело, голова раскалывалась. В бреду ей снилась раскаленная лава, обжигающая легкие. Она видела зеленую ряску, до которой никак не могла дотянуться. Пить.

Ей показалось, что она проспала три часа. Или три секунды.

Грохот, словно гром, ударил по ушам, пронзая измотанные нервы. Она на ощупь нашла стакан, проглотила ледяную воду, и к ней вернулся голос.

— Кто там?

Ответа не последовало. Стук продолжался.

Тань Цзиньсюэ с трудом открыла глаза, приподнялась — в комнате было полно солнца, значит, утро.

Она проспала больше десяти часов?!

Тань Цзиньсюэ попыталась встать, но перед глазами все поплыло. Потрогав лоб, она с облегчением выдохнула: температуры нет. Головокружение — от голода и переутомления.

Она натянула тапочки и подошла к двери. Стук не прекращался.

Раздраженно распахнув дверь, она ожидала увидеть горничную, но на пороге стоял Цзун Цзы.

Мужчина, казалось, был удивлен ее изможденным видом, но быстро взял себя в руки.

Его взгляд пригвоздил ее к месту.

Даже в болезненном полубреду Тань Цзиньсюэ почувствовала этот взгляд, словно укол. Она внезапно осознала, что происходит.

Но Цзун Цзы был быстрее.

— Ты женщина?!

В мозгу Тань Цзиньсюэ стало пусто.

Цзун Цзы властно вошел в номер и захлопнул дверь.

Они стояли посреди комнаты в тишине.

Один — от шока, другая — в лихорадочном поиске выхода.

Знаменитый на всю страну Киноимператор оказался женщиной в мужском обличье!

«Он» — женщина!

<http://bllate.org/book/19094/1875258>